

Сяо Лю старался не показывать на лице тревоги и, натянуто улыбнувшись, произнес:

— Вы, госпожа, не ведаете, но этот Ван Лаоци — один из самых отъявленных головорезов на Холме Плывающих Гробниц, с ним даже в Преисподней связываться не хотят.

Обычно мы, чиновники Преисподней, проходя мимо Холма Плывающих Гробниц, всегда берем в обход, кто же знал, что сегодня выпадет такое несчастье и мы на него нарвемэй. Хорошо еще, что вы, госпожа, здесь.

Пока он говорил, Сяо Лю легко взмахнул рукой перед пустотой, и там разошелся кругами слабый черный туман. Когда туман расселся, показался выход — как раз в конце одного из переулков Западного города.

Дорога из синего камня вилась вперед, утренний туман, смешанный с легким дымком человеческого жилья, клубился в воздухе, разительно отличаясь от ледящего холода Преисподней.

Глядя на открывшуюся земную картину, Сяо Юй почувствовал себя так, словно минуло целое воплощение, и его натянутые нервы немного ослабли.

Ши Яо протянула руку, перевела взгляд на Сяо Юя и негромко спросила:

— Не оставил ли твой друг тебе какую-нибудь вещь на память?

Сяо Юй услышал это, замер и торопливо принялся шарить за пазухой, пока не вытащил небольшую золотисто-каменную печать.

Печать была размером с большой палец, на вид — то ли нефрит, то ли дерево, и приятно холодила ладонь.

На самой печати четко и ровно были вырезаны несколько знаков чжуаньшу. Если присмотреться, это было второе имя Сяо Юя.

Кончик пальца Ши Яо легко коснулся золотисто-нефритовой печати, и тонкая струйка белесого призрачного тумана выплыла наружу, плавно закружившись в переулке и устремляясь куда-то вдаль.

Ши Яо попрощалась с Сяо Лю, затем повернулась и кивнула Сяо Юю, показывая, чтобы тот следовал за ней, и зашагала вперед, ведомая по пятам Сяо Гуем.

Двое людей и один дух, ступая след в след, миновали улицы и переулки, неотступно следуя за струйкой призрачного тумана.

Вскоре они дошли до дома, где продавали цветы, однако туман не стал заходить внутрь, а, описав круг вокруг жилища, решительно поплыл к Западным городским воротам.

Ускорив шаг, они последовали за нитью тумана прямо за Западные ворота.

Загородная равнина была тиха и пустынна, утренняя роса смочила подолы одежд, а вдали виднелись необъятные, подернутые дымкой воды Озеро Линьсянь, чья гладь сливалась с небом.

Туман доплыл до самого берега, внезапно замер на месте, а затем растворился легкой дымкой, слившись с пеленой тумана над озером, и исчез без следа.

Ши Яо остановилась у берега, пристально вглядываясь в спокойную, без единой ряби водную гладь, и слегка сдвинула брови.

Сяо Юй поспешил к ней и, глядя на пустую водную гладь, тоже растерянно нахмурился.

Взгляд Ши Яо стал суровым, она подняла руку и сложила заклинание: вспыхнул белый свет, и несколько крошечных искорок сорвались с кончиков ее пальцев, падая на воду подобно светлячкам.

В тот миг, когда искорки коснулись воды, доселе спокойное Озеро Линьсянь внезапно покрылось кругами ряби, под которой, словно призрак, мелькнула и тут же скрылась черная тень.

Брови Ши Яо сошлись еще сильнее, она легко взлетела на синий валун посреди озера и, наклонившись, прижала ладонь к водной глади.

В тот же миг вода, словно повинувшись неведомой силе, отступила на несколько футов в стороны, обнажив на дне темный каменный постамент, по которому слабо мерцали руны.

Сяо Юй остолбенел от удивления и пробормотал:

— На дне озера прячется столь странное место?

Ши Яо ничего не ответила, не сводя глаз с рун на постаменте, и нежно провела по нему пальцами.

Руны внезапно ярко вспыхнули, и золотой свет заструился по ним, словно извивающийся дракон.

Она развернулась и встала перед постаментом, легко коснувшись его пальцем. Раздался тихий

гул, и каменный постамент медленно опустился, открывая проход шириной в чжан.

Сияние рун постепенно угасло, а под проходом мерцали тусклые огоньки, смешанные с гулом человеческих голосов и зазывающими криками торговцев — вокруг царило оживленное и шумное оживление мирского города.

Сяо Юй так и замер с открытым ртом и невольно выкрикнул:

— Под озером есть такое место?

Брови Ши Яо немного разгладились, и она спокойно произнесла:

— Это древний барьер, внутри которого скрыт отдельный мир. Неизвестно, кем он создан.

Только затихли ее слова, как снизу донеслись детские крики и смех, поднимающиеся по ступенькам вверх вперемишку с мелодичным звоном коромысел с леденцами.

Эти звуки жизни, примешанные к подземному холоду озера, обрели невыразимую странность: явные мотивы человеческого мира, очутившиеся под этим сокрытым от солнца озером, отдавали призрачной фальшью.

Сяо Юй невольно втянул голову в плечи и тихо произнес:

— Здесь так шумно, почему же от этого на душе мороз по коже?

Взгляд Ши Яо чуть дрогнул, и она не спеша направилась к входу. Шагая по каменным ступеням, она шаг за шагом погружалась в игру света и тени, бросив на ходу:

— Будь то демон или небожитель — спустимся и узнаем.

Они спустились по каменным ступеням, и всего через несколько чжанов перед ними открылся широкий вид.

В конце длинной улицы возвышались ворота-пайфан, на которых отчетливо читались три иероглифа: Проспект Чжуцзюэ. Это было самое оживленное место в столице.

В кузне на восточном конце улицы старый кузнец размахивал молотом, ударяя по железу, и искры с треском падали на брусчатку.

В шелковой лавке по соседству были вывешены ткани всех цветов: синие, красные, фиолетовые, точно на живописном полотне.

На западном конце улицы было еще оживленнее: из бамбуковых пароварок лавки с булочками валил густой пар, разнося вокруг аппетитные ароматы.

Хозяйка лавки благовоний на углу зазывала покупателей с улыбкой, а перламутровая шпилька на ее пальце ослепительно сверкала.

Проходящие мимо горожане тоже жили своей жизнью: вот ученый муж с коробкой для еды спешит на пир, женщина ведет за руку маленького сына и покупает леденец, а несколько молодых господ прогуливаются компаниями, покачивая веерами у лавок.

Они разговаривали, смеялись и шли дальше, а неподалеку резвилась группа малышей, гонявшихся за пестрыми бабочками, наполняя всю округу серебристым смехом.

Сяо Юй смотрел на все это как зачарованный и не удержался, чтобы не протереть глаза:

— Да это же точь-в-точь как обычный городской рынок снаружи!

Вдруг повеяло приятным ароматом, и из-за угла вышла девушка-цветочница с полной корзиной бледно-розовых роз. Увидев их, она звонко рассмеялась:

— Уважаемые гости, купите веточку роз! Мои цветы только сегодня утром срезаны, свежее некуда.

Взгляд Ши Яо стал пронзительным, но она ничего не ответила, лишь пристально смотрела на розу в волосах девушки: ее лепестки были необычайно яркими, а на них еще покачивались капли росы.

Размышляя об этом, она боковым зрением заметила маленькую фигурку: пухлый, румяный карапуз с чисто детским выражением лица на цыпочках, подпрыгивая, бежал вперед.

Маленький призрак, державший ее за край одежды, был точной копией этого малыша, только вот призрачный ребенок горько плакал, закусив губу и не издавая ни звука.

Ши Яо едва заметно кивнула Сяо Юю, подавая знак, и они, скрыв свое присутствие, последовали за спешащим с леденцом на палочке ребенком.

Сделав с десяток поворотов, они спустя время вышли к большим воротам с красными стюарками, перед которыми скалили зубы и грозно выглядели каменные львы.

Над входом висела позолоченная доска, на которой четко красовались четыре крупных иероглифа: Резиденция князя Чжэньнань.

Сяо Юй почувствовал, как у него внутри все содрогнулось, и невольно воскликнул:

— Это... неужели столица тридцатилетней давности? Разве род Резиденция князя Чжэньнань не был вырезан и обвинен в измене по приказу Мятежный император Ли еще тридцать лет назад?

Они спрятали свои фигуры и проскользнули внутрь поместья.

Едва ступив за порог, они увидели во дворе заросли роз, которые цвели с невероятной пышностью, а несколько пестрых бабочек кружились над цветами.

У галерей небольшими группами толпились служанки и няньки, держа в руках корзинки с рукоделием. Они переговаривались полупрошептом, ловко орудуя иглами, а на их лицах играли мягкие улыбки.

Из главной гостиной доносился звонкий смех: князь Чжэньнань играл в шахматы со старой госпожой, а маленький мальчик присел рядом на корточках и тянул ручонки к шахматной доске, за что старая госпожа со смехом шлепнула его по пальцам, но в ее глазах читалась лишь бесконечная нежность.

С кухни доносился манящий аромат: запах разварившегося до мягкости мяса смешивался со сладостью десерта, вызывая у любого зверский аппетит.

<http://bllate.org/book/19421/1901977>